

Страна Эрцель

Дан Берг

18+

Дан Берг
Страна Эрцель

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Берг Д.

Страна Эрцель / Д. Берг — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Страна Эрцель легко узнаваема, хоть и нет на карте мира такого названия. Край этот на устах у многих, но немногим известны скрытые пружины его бытия. Глаз иноземного наблюдателя зрит лишь половину чудес. Повесть открывает читателю невидимую “обратную сторону Луны”.

Дан Берг

Страна Эрцель

Глава 1 Хорфландия

Диана и Алекс Фрид сидят рядом, плечо прижато к плечу. Ремни пристегнуты, и самолет набрал высоту. Сквозь иллюминатор видно, как заходит солнце, и небо темнеет. Назад пути нет.

Диана и Алекс сидят рядом, плечо прижато к плечу, и рука в руке. Молодоженами в кинозале так сживали. Им по тридцать три. Пять лет, как женаты, детей не нажили. Позади внизу осталась огромная холодная страна Хорфландия, впереди внизу ждет маленькая теплая страна Эрцель.

– Эмигрируем, – молвит вполголоса Диана.

– Возвращаемся, – с серьезной миной на лице возражает Алекс.

Диана хорфландка, а Алекс – эрц. Возможно, потому и судят по-разному об одном и том же. Обычно не бывает абсолютно верных или неверных суждений.

Алекс столичный житель, Диана росла в глубинке. С детства отличалась бойкостью нрава и способностью к учению. Окончив школу, оставила дома отца с матерью и младших брата и сестру и явилась в столицу “получать образование”, как солидно заметил ее родитель. Приехала – ни родных, ни своих. Но не робела и не скучала. Быстро обросла друзьями и знакомыми. Университет, молодость, свобода. Выучилась на журналистку и “уверенно начала трудовой путь”. Сочиненный ею роман напечатали необыкновенно быстро и с хвалебным предисловием. Упоительно сладко было дарить экземпляры с автографами.

Алекс пошел инженерной тропой по родительским стопам. Парень тихий и неприметный. Познакомился с Дианой на одном из хмельных пиров, которыми неустанно и неистово тешат себя жители Хорфландии. И Диана влюбилась, и потеряла голову, и через полгода “создала семью” – по выражению отца-провинциала.

Сонм многочисленных друзей в лад дивился: “Что нашла в нем?” Бывшие близкие друзья отказывались понимать и сочувствовали счастливой новобрачной, не предполагая в неблистательном выскочке тех способностей, которыми сами они, несомненно, обладали и тайно и явно гордились, и теперь жалели принцессу, добровольно обрекшую себя на худшую долю.

Отец Дианы противился браку: “Жизненная ошибка – выходить за эрца!” Зато мать радовалась: “Эрцы – хорошие мужья. Не изменяют и не пьют”. Точка зрения у каждого своя, и потому весомая. Потом оказалось – мать права была наполовину. Родители жениха приветствовали счастливый случай, что пристроил их единственное чадо. По поводу же деликатного обстоятельства вздыхали про себя и меж собой, но на людях помалкивали о своей печали, как интеллигентные хорфландские эрцы.

Итак, наполовину ошибалась мать Дианы. Зять пил чрезмерно, огорчая тещу, заставляя тестя стыдиться своей тайной радости, но, вопреки прогнозам, упорчая любовь и жалость супруги. “Диане завидует, а сам неуспешен”, “мезальянс”, “они чужие” – говорили добровольные аналитики супружеских душ, пытливо ища объяснение феномену пагубной страсти эрца. Кое-кто ждал крушения, надеясь и предвкушая.

Диана и Алекс причин не доискивались. Она не оправилась от любовного недуга, он верностью платил за верность.

Однако, годы шли, и их быстротечность пугала обоих. Лишь крутой поворот сулил перемены.

– Алекс, а не начать ли нам все сначала в стране Эрцель? – спросила как-то Диана.

Он давненько об этом думал, но, по обыкновению своему нерешительный, молчал и рад был, что предложила Диана.

– В отпуск поедem на разведку? – просяив, спросил Алекс.

– Нет, нет, никакой разведки, закрываем глаза – и в воду головой вниз! Вихрем собираемся и едем навсегда!

Алекс с радостью согласился. Надежда торопит. Подстрекаемые необъяснимой верой в перемены, с одним чемоданом на двоих молодые супруги ринулись в туман будущего.

Оказавшись прав, отец Дианы торжествовал: “Теряем дочь!” Мать плакала, целуя Диану и Алекса. “Звоните, пишите, приеду внука нянчить” – говорила, всхлипывая. Пожилая чета инженеров Фрид держалась достойно, сдержанно. Времена диктуют взгляды. В седых головах – перемены и сумбур. Допускали, что последуют за молодыми. Однако, жизнь покажет. Молодость ищет счастья в новом, старость – в привычном.

***

В аэропорту и в самолете Алекс наблюдал за попутчиками. Занятие это отвлекало от дум, отгесняло тревогу, расслабляло даже. “С прежними привычками расслабления покончено навсегда, навсегда покончено!” – непрерывно и многократно, как мантру, повторял про себя Алекс простейшую эту мысль.

Вот многочисленное семейство, три поколения. Взрослые шумят больше детей. Главу клана различить не удастся. Разговор друг с другом ведут с помощью вопросов, жестов и многозначительной мимики. Очереди преодолевают легко и первыми. С “официальными лицами” говорят без волнения, как с равными, а то и чуть-чуть свысока. Всего желаемого достигают, а средства достижения привычно и умело укрыты от посторонних глаз. Заметно горды собой. “Это не столичные эрцы” – подумал Алекс. Их сленг и манеры пробуждали воспоминания о детстве, когда он ездил на каникулы к бабушке с дедушкой в большой южный приморский город.

Соседний спереди ряд кресел занимают антиподы южан. Не клан, а минимальная семья – мама, папа и девочка-подросток. Бесшумные и боязливые. Родители тихо переговариваются, лица напряжены. Дочка сидит между ними, то смотрит в книгу, то мечтательно глядит вперед. Разговор взрослых ей не интересен.

В ряду слева расположилась пожилая чета. Старик передвигается с трудом, жена помогает ему. Оба глуховаты, говорят громко. Поэтому все вокруг знают, что в стране Эрцель их ждут дети и внуки. Звали их к себе давно, а они все не хотели покидать Хорфландию, “которой всю жизнь отдали”, но вот совсем стали слабы, и не видят теперь иного пути, и едут. Старик часто вздыхает. На морщинистом лбу и лице его отпечатываются и сменяют друг друга то тяжкие, то счастливые мысли, а жена ловит платком слезы, текущие из красных глаз его. На пиджаке блестят металлом и эмалью множество наград за войну и труд.

Диана не бодрствует и не спит. Непокой и надежда перемежаются и путают мысли. “Отменно начала карьеру. Еще ступенька-другая по лестнице успеха – и потеряла бы Алекса. Меня по-медвежьи хвалят за мужской ум, дескать, умею видеть главное. Чем займусь в стране Эрцель? Язык – инструмент мастерства моего. Приедем – сразу примусь за эрцит, я способная. Разве на неродном языке душу выразишь? Жертвую всем. Глупости, никакой жертвы! Что за народ эти эрцы? О себе всерьез говорят, что они – вечный народ. Что это значит? Эрц перенесется во времени лет на двести назад и окажется среди своих – и станут говорить на вечном своем эрците, и не удивятся друг другу, словно вместе росли и жили. Мистика и чепуха! Впрочем, мистика способна утешать, если не смеяться над ней. Вот, предчувствую, прежней жизни моей продолжения не будет. Я проживу две жизни. И вторая станет счастливее первой”.

Если талант предвидения будущего имеет природу генетическую, то Диана наделена им в той же мере, что и ее мать.

***

Полет окончен. Страна Эрцель, земля Эрцель. Пассажиры спускаются вниз. Ожидание предстоящего мешает Алексу примечать типы. Чувствует: созерцание некстати, скорее уместно приготовляться к действиям.

Великие числом темпераментные возвращенцы из приморского города и малочисленное безгласное семейство ведут себя предсказуемо. Удивил старик. Сойдя с трапа, он, тяжело стигбаясь, с великим трудом опустил на колени. Нагнулся вперед, и металл и эмаль наград коснулись бетона. Жена его смущена, тщетно пытается поднять экзальтированного супруга. “Святую землю целует!” – бросил кто-то насмешливо и мимоходом. Алекс поглядел на представление и скептически скривил рот. Диана, обычно колючая зубоскалка, восторженно уставилась на старика. Поймав себя на неожиданной метаморфозе, подумала с привычной иронией: “Вторая жизнь начинается?”

Ночь провели в аэропорту в специальном зале ожидания, назначенном для пассажиров, которые из Хорфландии в страну Эрцель либо эмигрируют, либо возвращаются – каждый по своему разумению. Непривычно доброжелательные “официальные лица” приглашают прибывших в отгороженные ширмами боксы. Вопросы задают на хорфландском языке, ответы переводят на эрцит и записывают в компьютер. На удивление быстро Диана и Алекс стали гражданами страны. Не меньше удивили громоздящиеся на столах вдоль стен живо поедаемые и вновь вырастающие горы бесплатных бутербродов всех видов и разновидностей. Закаленная иными нравами, публика жадно утоляла дорожный голод и кулинарное любопытство.

Такси везет Фридов в гостиницу. Другой воздух. Другая весна. Пальмы вдоль дороги. Мертвецкий сон с устатку. Через день наняли квартиру в большом городе Авиве. Неделя прошла в хлопотах. Благонамеренная и дружелюбная бюрократия страны Эрцель мобилизует дух, приветствует терпение и не одобряет скепсис. Алекс верен словам своей мантры: ведь пьянство – месть злой судьбе, а судьба, кажется, подобрела. Почти увлекся турбулентностью суеты, почти сравнялся с Дианой накалом веры в успех.

Начало мая в Авиве – славная пора. Еще не скоро навалится летняя духота, а зимней сырости уже нет. Зелень весной ярче, чем зимой, и свежее, чем летом. Вечером хорошо усесться в пластиковые кресла под деревом, упереть локти в подлокотники, радоваться, что дом стоит в отдалении от шумной и пыльной дороги, дышать свежестью и говорить о том, что будет завтра, через год, через десять лет. Молодые супруги, довольные новым началом и озабоченные продолжением его, сидят за беседой в саду.

Стук в калитку. За низкой живой изгородью стоит молодой мужчина. Роста среднего, подстрижен коротко, одежда спортивная. В обтяжку белая майка с короткими рукавами подчеркивает мускулистую фигуру. Располагающая к доверию широкая улыбка на лице. Пришелец заговорил на языке, который когда-то давно служил жителям лишь одного единственного острова, но вековыми деяниями и заслугами островитян стал всеобщим, впитав мудрость мира. Диана живо подхватила разговор, а Алекс, не успевая ловить слова, помрачнел и сник.

– Здесь живут супруги Фрид?

– Да, проходите, – ответила Диана и впустила незнакомца.

– Мое имя – Гилад, – сказал гость и прошел в сад, – Я представитель добровольного общества безвозмездной помощи вновь прибывшим. Общество помогает людям найти свое место в стране.

– Мы рады! – воскликнула Диана, – Алекс, будь добр, усади гостя.

“Как он узнал о нас?” – думал Алекс, волоча третье кресло.

Гилад уселся и областал хозяев взором ясных добрых глаз. Приятная внешность и хорошие манеры возбуждают симпатию и подозрения.

– Дорогие Диана и Алекс, знаете, почему я выбрал именно вас? Во-первых, все мы одних лет, а во-вторых, наши фамилии немного схожи. Я – Гилад Фальк! – сказал гость и заразительно засмеялся, продолжая глядеть на хозяев, словно приглашая их присоединиться к веселью.

Глава 2 Авив и Бейт Шэм

– Ты устала рулить, Луиза. Доедем до деревни, отдохнем, потом я поведу машину.

– Пожалуй, Бернар.

– Райлика, стыдись! – не оборачиваясь, обратился Бернар к расположившейся на заднем сиденье дочери, – Когда, наконец, ты станешь возить своих стариков?

– Райлика берет уроки, – ответила Луиза вместо нее.

– Горой стоишь за свою любимицу, – заметил Бернар.

– И за твою тоже, – парировала Луиза.

– Слышу непедагогичные речи, – рассеянно подала голос Райлика.

Въехали в деревню. Родители вышли из машины, уселись на скамейку в тени и расположились на привал. Дочь осталась дремать внутри семейного автомобиля.

Луиза и Бернар Фальк, а с ними Райлика, держат путь из Авива, где они живут втроем, в отдаленное место Бейт Шэм – там поселился старший сын Фальков Хеврон с женой Косби и тремя ребятами – мальчиком и двумя девочками. Внуку минуло десять, и бабушка с дедушкой везут подарок и поздравления. На торжество съезжается все семейство Фальков, то есть к хору пожеланий присоединят свои голоса два других сына Луизы и Бернара – это Гилад и Тейман.

Бернар Фальк стар, ему более семидесяти. Он крепок и бодр, и не щадит сил на то, чтобы таковым казаться. Однако, комплиментов своей молодости не любит, подозревая в них лицемерия. Его трудно понять порой, и лишь жене ведомы страхи мужниной души.

Бернар выходец из страны Ашназ. Как начались там великие для эрцев бедствия, родители вместе с маленьким Бернаром беглецами покинули лучшую в мире родину эрцев и нашли естественное прибежище в стране Эрцель. Те из родни, кто не поверил в злую судьбу, сгорели в огне наступивших лет.

Спасение от смерти – не порука жизни. Бремя тягот среди своих посильно не всем, и вскоре юный Бернар осиротел. Отвоевав войну за независимость Эрцель, разошелся с товарищами и почувствовал, как одинок. На счастье, повстречал и полюбил Луизу и женился на ней, хоть она и моложе его на десять лет.

Луиза – местная уроженка. Тому пять веков, как древние ее предки, жившие в далеком краю, не пожелали принять веру его, и были изгнаны из него, и тоже утратили лучшую в мире родину эрцев, и спаслись в стране Эрцель. Семья ее хранит красивый и редкий ныне язык своих пращуров, и потому младшую дочь, любимицу и позднего последыша, Луиза и Бернар назвали именем, что звучит на том языке – “Райлика”.

Окончив школу, Райлика исправно исполнила воинский долг и, вернувшись год назад под родительское крыло, уступила мольбам престарелых отца с матерью и не примкнула к боевым товаркам, пустившимся в опасный путь за тридевять земель к австралийским морям и крутым горам. Сидит дома, слушает советы, пробует разное.

Хеврон долго жил в стране за морем, там женился на Косби, там же родились погодки – сегодняшний виновник торжества и его младшая сестра. Заморское семейство вернулось в Эрцель, обосновалось в Бейт Шэме. Потом у Луизы и Бернара прибавилась еще одна внучка. Косби не слишком преуспела в эрците, и потому у детей в семье два родных языка. Хеврону за сорок, он детский врач, и многодетные семьи Бейт Шэма доставляют ему практику с утра до вечера и с вечера до утра.

Второй по старшинству сын Фальков – Гилад. Он появился на свет, а брат его – уж ученик в школе. Гилад живет по соседству с Хевроном. Он – достопримечательность Бейт Шэма: холост и завидный жених. Талант убеждать навел Гилада на страховую бизнес. Он открыл контору в Авиве, там проводит день, а ночевать возвращается в Бейт Шэм.

Тейман, младший из братьев, шестью годами опережает сестру. Нанимает квартиру в Авиве, учится в университете. Как и Гилад, он не женат, но не похож на брата: некрасноречив и замкнут.

Луиза и Бернар сидят на скамейке в тени, молчат, думают о своем.

– Родители, пора! – донесся из машины голос Райлики.

– Пойдем, Луиза, и правда пора, – сказал Бернар, вставая и галантно протягивая руку супруге.

Бернар сел за руль. За окном замелькали встречные машины. Поля, деревни. Зелень слепит глаза. Дорога идет в гору. Райлика бросает фразу. Бернар не поддерживает разговор. Прерывается воспоминаниям. Любимая их тема – неудачная карьера. Порой упрекает себя, иной раз винит других. Друзья и бывшие сослуживцы достигли большего. Бывало, плакался Луизе, а у жены всегда один ответ: “Моя жизнь – муж, дети и дом, и я всем довольна! Разве мы не были счастливы?” Что возразить женщине? Кто забыл прежнее счастье – тот старик!

Сейчас, в старости, вернулось одиночество молодости. Когда женился – обрел друга-спутника, а породил сыновей – и не обрел их. Не длиной и не короткостью пути до родных душ измеряется одиночество. Бернар воспитывался в богобоязненной семье, и сам верует. И сыновья его религиозны. “До фанатизма, до безумия религиозны” – думает. Он вспоминает детство, страну Ашназ, рассказы отца и деда. Вера их была мирной и скромной в той стране в те времена. Святые книги извечно вплавляют в сердце всякого эрца сладостную мысль избранничества. Ашназские эрцы лелеяли эту мысль келейно и кротко, приноравливаясь к чужой вере и не в ущерб ей. “Мы хотели нести свет народам” – размышляет Бернар, – “А чего хотят Хеврон, Гилад, Тейман и иже с ними? Не просвещенного равенства, а царства и рабства им надобно! Самоубийцы!”

Бернар никогда не имел сколько-нибудь значительного влияния на сыновей. Вычитал где-то, мол, в семьях эмигрантов задавленные заботами и тревогами родители не поспевают за детьми, а те, свободные от узды традиций, радостно идут навстречу чужим кумирам. И хоть сказано это о нем не вполне, а лишь частью, он утешался неизбежностью.

***

Машина миновала границу – серую линию, не отмеченную чертой на асфальте и не обозначенную оградой в поле. Серая линия словно висит в воздухе, незримая, но неизбывная. За ней живет один из народов – геры. По разумению сыновей Бернара – худший из народов, обживший исконную землю эрцев. Молодые Фальки убеждены, что геров следует непременно изгнать, и нет для святой цели негодных путей. В одном важном пункте единодушны многие эрцы и многие геры – не хотят серую линию, а хотят всю землю себе. Нечеткая граница не разграничивает, и стороны не могут с нею мириться. “Их слишком много, единодушных. Безнадежно много!” – думает Бернар.

Пейзаж в окне меняет цвет с зеленого на желтый. Меньше возделанных полей, больше выгоревшей травы на холмах.

– Бернар, я так боюсь за Гилада! Каждую ночь он едет этой дорогой среди ненавидящих глаз!

– Он вооружен, Луиза. Метко стреляет и отлично водит машину, – ответил Бернар.

– Этим ты утешаешь мать?

– Я больше боюсь за Теймана, – вместо ответа заметил Бернар, – Как бы не бросил университет. Он погрузился в святое писание. У него мистика на уме: не растает с книгой бакары.

– Ой, мне есть, что добавить о Теймане! Обещайте, что не выдадите меня. Он упрашивал меня молчать, но не молчит! – воскликнула Райлика.

– Не молчит, значит, расскажешь и так, без обещания – бросил Бернар.

– Не расскажу.

– Обещаем, – за двоих сказала Луиза.

– Я видела Теймана с девушкой! Они о чем-то беседовали, а он смотрел на нее с умилением. У нее коса, как мышинный хвост. Если я себе заплету – выйдет втрое толще. Они распрощались, я подошла к нему и говорю: “Поздравляю!” Он покраснел, потом забубнил, дескать, держи язык за зубами, не тревожь родителей!

– Слава богу! Есть надежда на перемены, – сказала Луиза.

– Мне показалось, что девица из той же когорты, что и ее обожатель, – уныло заметила Райлика.

– Так я и знал, – буркнул Бернар.

– Бернар, прошу, оставь свое обыкновение спорить с нашими чадами. Не задирайся, – просит Луиза.

– Постараюсь.

– Мы едем к внукам. Не хочу полемик.

– И я не хочу. Мы едем к внукам.

Показался Бейт Шэм. Дома не выше трех этажей. Красные черепичные крыши. Яркая зелень вокруг домов. Над красным и зеленым висит голубое небо. Солнце трудится вовсю. Жарко. Место выглядит благополучным возделанным островком среди волн безлюдных желтых холмов. Яркое на тусклом блестит хорошо. Ограда вокруг поселка. Улыбающийся охранник открывает ворота: милости просим, знаем и ждем!

Бернар подрулил к знакомому двухэтажному дому. Внуки летят навстречу. Бросаются на шею к бабушке и к дедушке. Почти не взглянув на подарок и не дослушав церемонные поздравления, герой дня вместе с младшими сестрами убегает на задний двор продолжать прерванную игру. Луиза не показывает, что обижена недостатком внимания к подарку, который любовно выбирала.

За детьми выступают Хеврон и Косби, а за ними – Гилад и прикативший из Авива вперед родителей Тейман. Совершается ритуальный обмен объятиями и поцелуями. Бернар всегда дивится в душе, как горячо и неформально исполняет этот обряд Луиза. Как принято в Бейт Шэме, молодые мужчины одеты в клетчатые рубашки и обуты в сандалии на босу ногу. “Пионеры и землепроходцы” – думает Бернар.

– Какой чистый воздух у вас! – восклицает Луиза.

– Здесь тяжело дышится, – возражает Бернар.

– Это с непривычки, папа. Бейт Шэм на высоте, а Авив – на море. Я дважды в день меняю климат, – сказал Гилад.

– Пройдемте в дом, – пригласил Хеврон.

Почти весь первый этаж занимает огромная гостиная и прилегающая к ней кухня. Кондиционер спасает от жары. Расселись. Хеврон, который видит родителей реже братьев, занял место поближе к отцу с матерью. Косби расположилась тут же.

– Как здоровье, папа? Как ты, мама? – участливо спросил Хеврон.

– Слава богу, мы в порядке, – ответил Бернар.

– Спасибо, сынок, все хорошо, сказала Луиза, с нежностью глядя на сына. Она перевела взгляд на Косби, подумала: “Ей повезло. Хеврон такой преданный, такой верный! Похудел, трудится без отдыха”.

– У Хеврона много работы, а дом на мне, – словно прочитав мысли Луизы, сказала Косби. Не надеясь преодолеть акцент, она говорила на эрците просто и коротко, стараясь избегать ошибок.

– Все дети любят Хеврона, не боятся его, – продолжила Косби.

– Пожалуй, верно, дети любят меня. Главное, однако, я их люблю. Нельзя быть детским врачом, не любя детей.

– Ты лечишь детей гергов тоже? – поинтересовался Бернар.

– Разумеется, папа. Я лечу и люблю всех детей и не делаю различия.
– Твои жрецы одобряют? – спросил Бернар?
– Бернар! – воскликнула Луиза.
– Молчу.
– Это не опасно, сынок, ездить в деревни к герам?
– Я стал врачом в заморской стране и там же клялся лечить всех. Геры не причинят мне вреда – я лечу их детей. Будь спокойна, мама.

В другом конце гостиной сидели кружком беспутные отпрыски Фальков. Тейман то и дело украдкой и вопросительно поглядывал на сестру. Та с безукоризненно честным лицом не замечала этих взглядов.

– Райлика, ты слишком поспешно ушла из моей конторы. У меня живое дело, прекрасная практика. Тебе близко к дому. Окончишь университет, а там – господь велик – станем работать вместе, – сказал Гилад.

– Страхование – нечестный бизнес.
– Ты судишь, не поняв.
– Я слышала твои трели. Ты не говоришь людям всю правду.
– Идеалистка!
– Возражение не по существу!
– Bravo, Райлика! – вступил в разговор Тейман. Он польстил сестре, надеясь получить знак, что тайна его блюдетя.

– Я зачитываюсь книгой баккары. Мне удивительные вещи открываются! – продолжил Тейман.

– Я с радостью поговорю об этом позднее, Тейман. Не будем нагонять скуку на Райлику. Пусть лучше сестрица поведает нам, чем думает заняться.

– Мне предложили работу в газете, помощницей секретаря в редакционном отделе.

– В какой газете? – почти одновременно выкрикнули братья.

Райлика произнесла название, и ответ ее был встречен молчаливым осуждением.

Косби накормила детей. Была непреклонна, не уступив их мольбам отменить ради гостей дневной сон. Пообещала свекрови и свекру, что через час-полтора внуки будут в их полном распоряжении. Тем временем взрослые Фальки расселись вокруг стола и принялись поглощать обед и произносить тосты.

В дверь постучали. Вошел молодой мужчина. По одежде и обуви безошибочно угадывался житель Бейт Шэма.

– Познакомьтесь, это – Итро Окс, – Хеврон представил вошедшего родителям.

– Останешься с нами, Итро? – спросил Хеврон.

– Сейчас тороплюсь, зайду вечером. Возьму лишь у Гилада кое-какие бумаги, – ответил Итро.

Гилад подал Итро тонкую папку. Тот попрощался и вышел.

– Кто не знает Итро Окса, тот скоро услышит о нем. Он становится все заметнее в нашей партии, – сказал Гилад.

– Кстати, Гилад, расскажи нам, есть ли всходы на миссионерской ниве? – спросил Бернар, опасливо оборотившись на супругу, которая была увлечена разговором с Косби и потому пропустила и оставила без последствий опасный вопрос.

– Отец, если ты имеешь в виду наше общество помощи вновь прибывшим, то мне действительно есть, что рассказать.

– Мы слушаем, – за всех ответил Бернар, осмелев.

– Среди новичков из Хорфландии встречается неплохой материал, – начал Гилад, – Я познакомился с интересной семейной парочкой, Диана и Алекс, люди моих лет. Она – журналистка и писательница, он – инженер.

– Похоже, в Хорфландии предписано законом обязательное университетское образование, – заметил Тейман.

– Уж год, как я занимаюсь с ними, не щадя времени, – продолжил Гилад, – Сначала приобщал этих безбожников к традициям, потом к вере, сейчас пытаюсь заинтересовать их нашими идеями.

– За морем я знавал хорфландских интеллигентных эрцев. Неисправимые атеисты, – перебил Хеврон.

– Мой случай – проблемный. Алекс эрц, а Диана – хорфландка! – воскликнул Гилад и этим заявлением целиком овладел вниманием женщин, – Они очень разные типы. Похоже, сильно любили друг друга...

– Что значит “любили”? А сейчас? – с неподдельным любопытством на лице азартно вторглась в разговор Райлика.

– Мне кажется, у них что-то надломилось. Они неодинаковых способностей. Я помог им найти временную работу. Алексу плохо даются языки. Ему было трудно понимать меня. Он примкнул к своим из Хорфландии. Некий хорфландский эрц, называющий себя профессором, завоевывает души легковверных земляков, преподнося им собственное толкование баккары и суля познание тайн мира. Баккара на хорфландском языке! Представляете? Алекс польстился на посулы.

– Эй, довольно про баккару! Про Диану рассказывай! – нетерпеливо перебивает Райлика.

– О, Диана! Она преуспела в эрците. Хоть и не эрца, а вникает в наши традиции до тонкостей. Ей интересны святые книги, она осаждает меня вопросами и готова бесконечно слушать мои объяснения.

– А ты готов бесконечно объяснять? – спросил Бернар.

– Как она выглядит? Опиши, – вступила в разговор Луиза.

– Разве это имеет значение? Среднего роста, стройная, волосы темные, ресницы длинные, глаза карие, за правым ухом родинка...

– Какие подробности! – ехидно заметила Райлика.

Гилад раздосадовался и удивился неожиданному своему простодушию. Решил исправить впечатление, не допустить неверную интерпретацию.

– Диана интересуется прозелитами, она хочет принять веру эрцев, она просит показать ей Бейт Шэм! – выпалил Гилад и, пытливо глядя на физиономии заинтересованных слушателей, вполне осознал, что последние его слова вряд ли что-то исправили, но скорее имели противоположное действие.

***

На несколько минут воцарилось молчание. Не преуспев в обороне, Гилад перешел в наступление.

– Отец, наше общество не занимается миссионерством, – заявил Гилад.

– А мне кажется, не следует говорить в ироническом тоне о наших жрецах, – добавил Тейман.

– Сыны мои! – высокопарно начал Бернар, не почувствовав, как под столом Луиза наступила ему на ногу, – Сыны мои, в стране Ашназ, где родился ваш отец, никому не приходило в голову упрекать эрцев в миссионерстве. И в мессианстве тоже! От отца и деда я знаю, с каким великим почтением говорили люди о просвещенных ашназских священниках, что не чета вашим жрецам! Известно: постройка постепенно ветшает, потом гибнет.

Бернар, взволнованный, сделал паузу, перевел дух. Он знает, что конец разговора старых с молодыми – взаимная презрительная жалость. Лицо Луизы напряжено. Лица Райлики и Косби поскучнели. Гилад и Тейман потупили глаза. Хеврон с осуждением смотрит на них. Он мог бы возразить отцу, но он не станет испытывать сердце старика. Бернар заметил укоризну в глазах старшего сына. Это успокоило его и вселило дух миролюбия.

– Вы, молодые, торопите приход спасения эрцев. Вы желаете конца гонений и возврата величия. И я желаю этого. И дед, и прадед ваши мечтали о том же. Они знали от своих священников, что к спасению ведут гуманность и просвещение, а не война и кровь, как учат ваши жрецы. Гуманность – не привычка, а плод здравого смысла, ей нет альтернативы. Известно ли вам, что существует Свиток, в котором начертан кратчайший путь к спасению? Завладеть Свитком и следовать его слову и духу – значит приблизить счастливый день.

– Разумеется, отец, мы слышали о Свитке, но не знаем где он, – сказал Хеврон.

– Я знаю. Я уверен. Свиток хранится в стране Ашназ. Его можно разыскать.

– Как это сделать, папа? – спросила Райлика, учуяв интригующий поворот беседы.

– Очень просто! Нам нужно перенестись в страну Ашназ на век-полтора назад. Там найдем Свиток и с ним вернемся. Зову всех с собой!

Сыновья Бернара переглянулись.

– Возможно ли это, отец? – изумился Тейман, – В наше отсутствие время потечет для нас в другом веке, а для оставшихся здесь оно продолжит свой обычный ход. Но ведь нет двух, а есть только один поток времени!

Хеврон и Гилад закивали головами, согласные с глубокомысленным замечанием Теймана.

– Вы забываете, сыны, что мы, эрцы, – вечный народ, – возразил Бернар, – Мы пребываем в мире, как бы вне времени. Эрц всегда и везде эрц. Сведи двух эрцев из разных веков, и общность уничтожит разницу, они сойдутся, как два соседа.

– Отлично придумано, папа! – воскликнула Райлика, сохраняя серьезное лицо, – Я видела в заморском кинофильме, как человек обнаружил на городском мосту проход, по которому он путешествовал во времени. Я готова к паломничеству за Свитком. Заноси меня в список!

– Молодец, дочка! А вы, сыны, не прячьте улыбки! Вы малoverы, хоть и фанатики, не считите за обиду. Жду твоего слова, Луиза!

– Ты ведь знаешь, Бернар, я всегда с тобой. Я пошью для нас тогдашнюю тамошнюю одежду. Нас примут за своих.

Дети пробудились от дневного сна, и бабушка с дедушкой заполучили обещанных внуков. Потом Луиза, Бернар и Райлика заторопились домой, чтоб еще засветло преодолеть путь от Бейт Шэма до серой линии. А вечером, как и обещал, явился Итро Окс и услышал вещь необычайную из уст братьев Фальк: как престарелый отец их вздумал испытать из чаши славы великого писателя, выдумавшего машину времени.

Глава 3 Газета

Как мир стара земля Эрцель, а страна Эрцель – молода.

Тысячелетиями жили люди в земле Эрцель. Жили до эрцев, жили вместе с эрцами, жили вместо эрцев. Пролитывали кровь и заключали мир, учились и поучали, пасли и сеяли, строили и разрушали, любили и предавали, рождались и умирали. Эрцы земли Эрцель создали для себя маленькую страну и назвали ее Эрцель, и не хотели терпеть подле себя малый народ геров. А те не хотели терпеть страну Эрцель и эрцев подле себя. С великой горячностью и страстностью ненавидят друг друга мельчайшие соседи. Серая линия разделяет два народа. У каждого из них есть его единственно истинная святая книга, которая, они твердо знают, вмещает всю правду и состоит из одной только правды.

“Как можно выше, чтоб всему миру зримо было, жрецы и вожди обоих народов возносят над головами святые книги – бесспорный довод правоты – и указуют на них перстами и провозглашают, что, вот, написано: это – наша земля! Книги думают за своих невольников, да разве зеркало в помощь слепому? Книги – что порох, и нет безвредных книг. И то горе, что и те, кто в оппозиции к жрецам пребывают, этот жреческий клик приемлют!” – так мыслит Бернар Фальк.

Пожалуй, старик сгущает краски. Нельзя забывать, что в стране Эрцель существуют две партии – Левая и Правая. В запальчивости Бернар не замечает Левую, адепты которой хотят мира с герами и почитают серую линию.

Правая партия жалуется, что, наперекор душевному влечению к ней эрцев, газеты ее не любят и настраивают народ в пользу Лево́й. А Левая партия твердит, мол, это враки.

Вот, в здании одной из авивских газет, в конце коридора, в фойе, уселись в креслах двое. Напротив Райлики, новой помощницы секретаря, расположился Шай Толедано – один из редакторов, мужчина средних лет и строгих правил. Шай знаком с Итро Оксом и с Гиладом. Последний ходатайствовал за сестру, чтоб поберег ее от каверз, чинимых новичкам.

– Нравится тебе у нас, Райлика? – спросил Шай.

– Не скучно здесь. А что, Шай, разрешат мне отпуск?

– Через полгода работы? Попробую попросить за тебя.

– Спасибо, Шай.

– И зачем тебе понадобился отпуск сейчас?

– Да так, с родителями побыть... – замялась Райлика.

– Темнишь! Я знаю от Итро и от Гилада, какую штуку твой отец задумал. Собрались в путешествие в страну Ашназ, на полтора века назад. Хотите привезти Свиток.

– Что вы думаете обо всем этом, Шай?

– Ты знаешь, я – человек религиозный, и верю в вечность народа эрцев. Я полагаю, задуманное возможно, хоть и звучит невероятно. А ты что скажешь?

– Не знаю. Хочется новизны. Не отправилась в путешествие, уступила родителям. Теперь поеду с ними.

– Вернешься – расскажешь.

– Шай, пусть никто из наших не узнает о поездке. Засмеют.

– Разумеется, Райлика! И ты не проговорись. Если до Роны дойдет, что я верю небылицам, погибла моя репутация серьезного аналитика.

– Кто упоминает мое имя всуе? – воскликнула вошедшая Рона.

– О, Рона! А я как раз рассказываю Райлике о зачинателях нашей газеты, – не моргнув глазом, соврал Шай.

Рона Двир, дама солидных лет, высокого роста, энергичная и решительная, уселась в кресло. Она – ветеран, прама́тер новой авивской прессы. Рона – старший редактор, ее слово, как камень весомо и твердо, а авторитет незыблем.

– Какого мнения о нашей газете держится твоя юная подопечная? – спросила редактора старший редактор и при этом покосилась на Райлику. Взгляд Роны был строг, но голос выдавал доброту.

– Райлика считает, что у нас не скучно, – улыбаясь, ответил Шай.

– Девушка – сама пронительность. Более бесспорного суждения высказать не возможно.

Райлика смущена. Это похвала или насмешка?

– Ты молодец, девочка, ты всем нравишься, – подбодрила Райлику почтенная матрона.

– Сегодня мы ждем гостя, – продолжала Рона, обращаясь к Шаю, – Пожалует небезызвестный тебе Мики Парицки. В последнее время он дает все меньше оснований величать его гостем, – поколебавшись, заметила Рона и пристально уставилась на Шая, – Он зачастил. Что-то притягивает его. Сила всемирного тяготения действует на вашего брата! Впрочем, мы всегда рады ему и его статьям.

Шай сидел с замороженным лицом. Райлика ретировалась к себе.

– Пойдемте, господин Толедано, ко мне в кабинет. Встретим Мики достойно, – сказала Рона и подумала: “Где-то я слышала, что все мужики за сорок – конченные негодяи”.

– Пойдемте, госпожа Двир, – в тон ответил Шай, и оба удалились.

***

Шай Толедано и Мики Парицки больше, чем друзья – они боевые товарищи. Офицерами воевали вместе в особом воинстве, причислиться к коему стремятся лучшие, из которых лучшие достаиваются чести. Не раз подставляли друг другу плечо, и за плечами у каждого немало лихих дел – утеха памяти. Навоевавшись досыта, отправили на чердак высокие тяжелые ботинки, выучились в университете, женились и породили детей – Шай двух девочек, а Мики – двух мальчиков.

Шай рос в семье, где блюдутся традиции веры. Мики воспитывался на безбожных идеях. Первый тяготеет к Правой партии, а второй, ясное дело, – клевой. И не просто тяготеет, но занял в ней важную позицию и делает карьеру, стремясь наверх. Помещает свои статьи в газете, где работает Шай. На бумаге они противники, а в жизни, как сказано, больше, чем друзья. Ибо, дойдя в противостоянии своем до крайней точки, обязательно вспоминают, что оба эрцы, и стрелы возвращаются в колчаны. Однако, это – не правило в стране Эрцель.

Рона Двир восседает во главе стола. По одну сторону расположился Шай, по другую – Мики.

– Я рада, господин Парицки, принимать вас в своем кабинете. Левая партия необыкновенно активизировала свою деятельность. Ваши статьи, Мики, украшают газету каждую неделю.

– Прошу не забывать, госпожа Двир, что писанина этого левака должна быть уравновешена моим аналитическим комментарием.

– Прошу не забывать, господин Толедано, что газета, в которой вы являетесь редактором, объективно отражает баланс общественных идей. Паранойя – коллективный диагноз “правых”, выражаясь вашим языком.

Мики с видимым удовольствием слушал перепалку.

– Господин Парицки, будьте любезны, сотрите ехидную улыбку с физиономии и кратко представьте нам ваш последний опус.

– Госпожа Двир, господин Толедано! – с преувеличенной торжественностью начал Мики, – Как вам известно, в гуще народа страны Эрцель зреет готовность к миру с герами, нашими неизживными соседями. Из двух зол – уступить часть или потерять целое – эрцы научаются отдавать предпочтение злу меньшему. Усвоить сложную науку выбора помогает давление новой реальности, кладущей предел бессмысленным мечтаниям. Не стыдно подчиняться обстоятельствам, и примем неизбежность достойно!

Мики сделал паузу. Убедился, что, как и ожидал, лицо Роны выражает нетерпение, а лицо Шая – скепсис.

– Левые сделали открытие. Если открытие не находит применения, в нем нет ценности, – заметил Шай.

– Открытия остановить нельзя. Но они оскорбляют проворонивших новизну, и горе открывателям, – вставила слово Рона.

– Наша Левая партия, глаз и глас народа готовит лозунги к кампании выборов новых ста двадцати скрытых праведников, нашего с вами парламента. Моя статья будет первой публичной апробацией этих лозунгов. Мир с герами, серая линия, дьявольский контраст роскоши и нищеты – это темы статьи. Отмечается, что имеется некое малое число правых, которые почитают войну за высокое счастье, а добывать для себя это счастье шлют большое число левых. Подробности прочтете сами. Уверен, за нами пойдут заблуждающиеся сторонники Правой партии. Вот, что я принес на сей раз. Присоединяюсь к требованию господина Толедано о равновесии.

Иронию последнего замечания Рона оценила полуулыбкой.

– Благодарю вас за краткость сообщения, господин Парицки. Не сомневаюсь, что господин Толедано скрупулезно разберет текст и явит читателям несостоятельность фантазий “леваков”. Мики, оставьте материал, статья выйдет в свет в конце недели.

Шай и Мики вышли из кабинета Роны.

– Дружище, где ты прячешь новенькую? – спросил Мики, ткнув Шая кулаком в бок.

– Она у себя.

– Пойду, выманю ее.

– Мики, в мире нет тайн. Рона объясняет твою литературную активность не теми причинами, что ты привел в ее кабинете. Гони беса прочь.

– Нет сил быть безгрешным.

– Не будь им. Ищи другую дорогу в ад, в стороне от Райлики.

– Твоя правильность наводит тоску.

– Расскажи о сыновьях.

– Ну, слушай.

Глава 4 Ашпаз

Супруги Фальк и возлюбленная их дочь сидят в гостиной своей квартиры. Войди тут кто из знакомых, и был бы удивлен несказанно: дом превратился в театральные подмостки. Публика отсутствует, значит, это не представление, а репетиция. Причем, генеральная – ведь актеры-то в костюмах!

Да, семейство приготовилось в путь. Не решено, правда, каким видом транспорта предстоит воспользоваться, зато известны пункт назначения и приблизительный год прибытия. В центре комнаты составлены чемоданы. Главное содержание их – одежда. На Бернаре строгое черное одеяние. Рядом на столе лежат цилиндр и перчатки. Луиза и Райлика наряжены в длинные платья с кружевами, оборками, складками, фестонами и прочими важными деталями. Рядом с цилиндром покоятся женские шляпы с лентами. Красота! Каждая мода хочет утвердиться навечно. Что против былого эстетизма нынешние функциональный примитивизм и эротический максимализм? Нищета прогресса!

Над созданием туалетов увлеченно трудились все трое. Поначалу Бернар высокомерничал. Мол, не в одеждах мудрость ума, а верность моде убавляет от свободы духа. Потом втянулся в коллективный труд. Он добывал материалы в литературных источниках, материалы из магазинов тканей доставляла Райлика, а умелые руки Луизы были заняты материализацией идей. Обсуждение моделей и примерки – общее дело.

– Мы, кажется, готовы. Что будет дальше, папа? Наши намерения никто не принимает всерьез.

– Ошибаешься, дочка! Принимают всерьез, да стесняются других и себя, потому и не подают виду. Все эрцы одним мирром мазаны. И твои Рона и Мики, безбожники, уголком сердца верят в избранность и вечность эрцев. А чудные эти свойства означают среди прочего, что сему народу дарована свыше привилегия покидать колесницу времени, неумолимо влекущую из прошлого в будущее все иные божьи творения, – высокопарно возразил Бернар.

– Теперь, как в старой сказке, мы должны закрыть глаза и открыть глаза? – прервала Луиза поток мужниного красноречия.

– Нам не нужен тайный проход на городском мосту и не требуется машина времени со скрипучими рычагами. Мы крепко верим, и этого довольно. Жизнь сильна верой, а чудеса – для сказки. Не станем закрывать и открывать глаза, а оглянемся вокруг себя.

Луиза и Райлика последовали призыву, повернули головы направо и налево. Они сидят в беседке в тихом городском саду. Напротив стоит элегантный Бернар, и на физиономии его сияет торжествующая улыбка.

***

Сколь неудержимо ликование Бернара, столь велико изумление Луизы и Райлики. Ибо вера в чудо не исключает удивление ему.

– Мы перенеслись в девятнадцатый век, в страну Ашназ, в славный город Уухен, – ответил Бернар на немой вопрос на лицах женщин, – Немного осмотримся и начнем искать пристанище.

– Почему именно Уухен? – спросила Райлика.

– По моим предположениям, в этом городе, или где-то поблизости, хранится Свиток. Я слышал рассказы отца и деда. Здесь, в Уухене, в то, а вернее в это время, взошли семена просвещения и гуманности – пути эрцев к спасению. Посему и Свиток спасения должен находиться здесь и сейчас.

Объяснив, великодушный Бернар предложил жене и дочери прогуляться вокруг сада и чуть-чуть удовлетворить любопытство, а сам добровольно остался сторожем при чемоданах.

Убедившись, что они одеты правильно и модно, и встречные прохожие не изучают их удивленными взглядами, успокоенные женщины вернулись в беседку.

Настала очередь Бернара производить рекогносцировку. Первым делом следует отыскать гостиницу, где останавливаются эрцы. А задать вопрос лучше всего своему, которого нужно распознать среди множества шназов. Бернар в затруднении. Прожившему жизнь среди своих нелегко найти своего среди чужих. Что есть в арсенале Бернара? Немного помнит с детства шназский язык, ну, и конечно при нем вечный эрцит, годный всегда и везде.

Торговая площадь. Прилавки с навесами. Кругом шназы. Осанка величественная, лица полны достоинства. Прошел человек с черной с проседью бородой и с виду не гордый. “Попытаю счастья” – подумал Бернар.

– Прошу прощения, господин, – обратился Бернар к бороде, – Я приезжий в Уухене, нуждаюсь в совете...

– Откуда вы? – нетерпеливым вопросом перебил горожанин. Одного быстрого искушенного взгляда ему хватило, чтобы сделать вероятное предположение в отношении Бернара.

– Я живу в святом месте, на земле...

– Эрцель! – закончил за Бернара соплеменник.

– Вы догадливы.

– “Святое место”, “земля” – ясно: это – Эрцель.

Борода бросил два-три приветственных слова на эрците и этим покориł собеседника.

– Я с женой и дочкой. Они ждут в городском саду. Мне нужен адрес подходящей гостиницы.

– С какой целью пожаловали в Уухен, позвольте узнать?

– У нас важное дело к главе городской общины эрцев.

– Возвращайтесь в сад. Через четверть часа я пришлю за вами городскую карету. Вас отвезут туда, куда вам нужно.

С почти забытой, но милой сердцу Бернара шназской пунктуальностью, ни на минуту не задержав и не упредив своего прибытия, у ворот сада остановилась карета. Вне всякого сомнения, что семейный автомобиль Фальков передвигается не в пример быстрее и мягче, чем открытый конный экипаж, на скамьях которого расположились Бернар, Луиза и Райлика. Зато как красива старина! Кучер в цилиндре, стройные лошади, огромные колеса стучат по мостовой. Уухен весь в зелени. Старые деревья. Шназы говорят меж собой сравнительно негромко. На мостовых и тротуарах не видно мусора. Уши и глаза приезжих отмечают диковинное. Вдали виднеются башни замков, вблизи – остроконечные крыши домов и церквей.

***

Хозяин гостиницы, невысокий плотный эрц, назвавший себя Фердинандом, удовлетворенно опустил в карман бриллиантовое колечко, которое получил от Бернара, как плату за постой. Он показал Фалькам их скромные апартаменты. Бернар выразил желание обедать не

в общей трапезной, а у себя, и пригласил к обеду Фердинанда. За обедом, после свершения подобающего омовения и благословения, а также утоления первого голода, между участниками трапезы завязалась ознакомительная беседа.

– Дамам пришлось по вкусу наша простая шназская пища? – спросил на эрците хозяин гостиницы.

– О, да, господин Фердинанд. Очень вкусно, и сравнение в вашу пользу. Наша кулинарная изощренность, в конце концов, утомляет, – воодушевленно ответила Луиза.

Дочерний долг вежливости удержал Райлику от выражения иного мнения.

– Совершенно согласен с вами, госпожа Фальк. Кухня не должна занимать в сознании место храма. А вы у нас по торговым или по семейным делам, господин Фальк?

– Пожалуй, ни то и ни другое, господин Фердинанд, – ответил Бернар, – Я сказал вам, что мы прибыли из земли Эрцель, а теперь добавлю, что мы граждане страны Эрцель.

– Простите, я, кажется, не расслышал, вы граждане какой страны?

– Страны Эрцель.

– Но ведь такой страны нет!

– Есть, а вернее, будет, господин Фердинанд. Дело в том, что мы явились к вам из времени, на полтора века опережающего ваше время.

– О, это совсем другое дело! Теперь все разъясняется, все просто и понятно. Я думаю, вам необходимо встретиться с главой нашей общины. Его зовут господин Вайс.

– Вы угадали мою мысль, господин Фердинанд. Не соблаговолите ли нам помочь в этом?

– С радостью. Я сам состою в правлении общины.

– Тем лучше. Вы своими ушами услышите наш подробный рассказ. Я надеюсь, господин Вайс не станет возражать против участия в беседе моей жены и дочери?

– Беспокойство излишне: господин Вайс человек передовых взглядов.

***

В дом к богатому торговцу, главе общины, съехались самые уважаемые, состоятельные и образованные уухенские эрцы, как гражданского рода занятий, так и духовного звания. Почетный форум встречает прибывших в Уухен соплеменников из будущей страны Эрцель. Среди собравшихся мужчин, людей солидного возраста, выделяется свежестью и красотой молодой человек лет двадцати пяти. Либеральный дух собрания утверждается присутствием женщин. Господин Вайс усадил Луизу и Райлику рядом со своей женой и взрослыми незамужними дочерьми, разместив, однако, всех дам поодаль от мужских глаз и ушей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.